

И вот однажды утром в Поленове не оказалось ни одного русского бойца. Куда они девались, никто не знал, но через час из Тарусы в Поленово пришли немцы...

Мы с братом Федей и с мамой сидели у нас во флигеле наверху, когда вошла тетя Оля и спокойно сказала:

— Немцы в столовой...

Мы вскочили и бросились было вниз посмотреть на немцев, но мама загородила дверь, велела нам сидеть дома, и они обе ушли, заперев дверь. Мы — к окнам и увидели, как двое немцев в темно-зеленых шинелях и таких же касках, держа в вытянутых руках пистолеты, шли к погребу, который стоял тогда справа от въездных ворот... Остальное я знаю по рассказу тети Оли.

«Немцы вошли в кухню. Они были похожи на металлических ежей, отовсюду у них торчало оружие, гранаты, автоматы, пистолеты...

— Красная Армия здесь есть? — по-немецки спросил один из них.

И я на хорошем берлинском наречии ответила, что Красной Армии тут нет. Они несколько не удивились, что с ними говорят по-немецки, проšli в столовую, и один из них сказал (по-русски!):

— Мясо, яйца, сахар.

Бабуся (Александра Николаевна Султанова, мать Анны Павловны Поленовой) быстро пошла в спальню и вынесла корзинку с яйцами и большую стеклянную банку с притертой пробкой, полную меда... И тут черт меня дернул (отвага дернула!) за язык, и я сказала, естественно, по-немецки:

— У нас старые люди и нет сахара!.

Немец с удивлением взглянул на меня и ответил мрачно:

— У нас тоже нет сахара! — И взял банку с медом.

А на круглом обеденном столе стояла маленькая баночка с вареньем для Алеши, который из угла с ужасом смотрел на страшных вооруженных людей. Немец протянул руку и хотел взять варенье... И тут Ольга Федоровна произнесла свою сакраментальную фразу... Немец обернулся и увидел Алешу...

— А! Кинд! — сказал он и банку не взял, хотя мед на стол не поставил.

В ноябре мы были выселены из нашего дома в Поленове в деревню Дворики (теперь Выдумки), т. к. через усадьбу проходил фронт. Приютил нас у себя в летнем доме, где мы, так сказать, «жили» на русской печке, потому что на полу по ночам замерзала вода,

старый дедушкин лакей, скорее уже друг Сергей Семенович по прозвищу «Тяжело-тяжело!» (такая у него была присказка). Он замечательно рассказывал, как дедушка пил кофе (а пил он его три раза в день):

— Барин пил кофе всегда, всегда, всегда.

В ту страшную, лютую зиму мы не погибли от холода и голода во многом благодаря Сергею Семеновичу.

Когда в декабре немцы ушли из Тарусы, была лютая, морозная ночь, зеленая от медленно опускающихся над Тарусой осветительных ракет. Стоящие выше деревни в лесу «катюши» безмолвно изрыгали огненный поток, и вслед за ним несся запоздалый сверхзвуковой рев. Я, Сергей Семенович и тетя Оля стояли на крыльце его избы, и он все время повторял в перерывах между ревом «катюш»:

— Тяжело, тяжело! — и опять: — Тяжело, тяжело!

В этот момент была такая огромная надежда на хотя бы эту, нашу, местную победу, что я даже не помню этого невыносимого холода.

И вот ушли, вернее, бежали немцы из Тарусы, прогнали их от Москвы, и появилась возможность наконец вернуться в Москву.

Мама и тетя Оля, как я потом поняла, были обе очень больны тогда, так что большие санки, нагруженные нехитрым, но все же скарбом, тащили мы с Федей, как бурлаки. Мороз был 40 градусов.

С приключениями, чуть не стоившими нам жизни (немцы, уйдя из Тарусы, бомбили тарусскую станцию и расстреливали с бреющего полета мирных жителей), мы добрались

до Серпухова в пустой промерзлой теплушке, переночевали вповалку на вокзале, а утром выяснилось, что билеты до Москвы продают только по специальным разрешениям, которых у нас не было.

Отступать нам было некуда, и, ведомые тетей Олей, мы влились в поток людей и «мешочников». Впереди, у выхода на платформу, стояли двое, проверяли билеты и выкидывали из очереди безбилетников. Толпа напирала, и сдерживать ее становилось все трудней.

Мы были одеты кто во что, особенно колоритными были у нас суконные сапоги на молниях и шапки, тоже суконные, напоминавшие шлемы танкистов, спшитые искусными руками Ольги Васильевны, т. к. к зиме, да еще такой, мы совершенно не были готовы. Конечно, все мы были в

Миниатюры О. В. Поленовой

О. В. Поленова с куклой Н. В. Поленовой-младшей. 1959 г.

льжных брюках, тетя Оля даже в ватных штанах, большая, с некрасивым мужским лицом, обгорелым от мороза, ничего женского во внешности, она яростно работала локтями, пролагая нам путь.

— Эй, мужик, куда прешь! Мать твою пере-
мать, — яростно заматерился контролер. — Да-
вай билет!

И тут тетя Оля всплеснула руками и высо-
ким бабьим голосом заверещала:

— Ах, батюшки! Ребят задавило! Ах, милые, помогите, детей давят! Помогите, люди добрые!.. — И что-то еще визгливое и бессмысленное.

Контролер в испуге от такой метаморфозы мужика в бабу на мгновение отпрянул, толпа надавила, прорвалась, и нас вслед за тетей Олей выбросило на перрон, где оставалось только бежать к вагонам, влезть, занять место, а потом заплатить штраф...

Так благодаря странной внешности, отваге и артистизму Ольги Васильевны мы приехали в Москву 31 декабря 1941 года.

...Много лет спустя, вспоминая встречу с Ольгой Васильевной, одна наша знакомая рассказывала, как она приехала в Поленово, где Ольга Васильевна работала тогда старшим научным сотрудником, и вышла все по той же сосновой аллее к дому. Кругом было пусто, никого, кроме какого-то «садового мужика», копавшегося в грядке на «кругу».

— Мне бы Ольгу Васильевну Поленову, — робко спросила она, обращаясь к широкой спине, склоненной над цветами.

— Это я! — не оборачиваясь, низким голосом пророкотала «спина».

— Но мне нужна женщина Поленова! — пролепетала приезжая.

— Я — женщина Поленова, — грозно, поднимаясь во весь достаточно внушительный рост, рокотала «спина», поворачиваясь лицом...

Увы, знакомая наша так смутилась и перепугалась, что, бормоча извинения, ретировалась и уехала несолоно хлебавши...

Но вернемся к ее детству. Оля и Наташа учились в знаменитой Алферовской гимназии. Училась Ольга Васильевна хорошо, но примерным поведением не отличалась, особенно на уроках Закона Божия. Священник был добрый, старый, глуховатый, и Ольге, никогда ничего не знавшей из Закона Божия, говорил всегда одно и то же:

— Ну что ж, Поленова, неравно повторите.

На экзаменах же задавал всегда один и тот же вопрос, кто написал картину «Христос и грешница», и тем спасал Ольгу Васильевну от «неуда».

В 1912 году, окончив 8 классов гимназии, Ольга Васильевна поступила на историко-филологический факультет Московских высших женских курсов, где и училась до 1917 года.

Революция прервала учение, и сестры Поленовы — Екатерина, Ольга и Наталья — организовали в 1918 году театр в селе Страхово, где Ольга Васильевна была бессменным режиссером до 1937 года. (В конце двадцатых годов она окончила школу-студию Ю. А. Завадского как актриса и режиссер.)

В 1951 году Ольга Васильевна стала работать в музее своего отца старшим научным сотрудником. Вот что пишет по этому поводу ее старшая сестра Е. В. Поленова-Сахарова: